

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ТГУ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ФИЛОЛОГИИ XXI ВЕКА:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**Материалы Всероссийской молодежной конференции
23–25 августа 2012 г.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2012

Увеличение в современном русском языке числа дериватов, образованных в результате повторной реализации словообразовательных моделей, как видим, свидетельствует о ведущей роли контекста в передаче выражаемых ими значений. В этой связи примечательно высказывание М.В. Никитина о том, что «информация о денотате, которая связывается со словом в тексте, складывается из двух частей: его непререкаемых интенциональных признаков и некоторой части его импликационных признаков, имплицитно «оживляемых», актуализируемых контекстом или эксплицитно выражаемых в нём»⁷. Интенциональные признаки таких дериватов определены нами как семантический инвариант, а импликационные признаки обусловлены ассоциативным потенциалом производящей базы и могут быть названы речевым смыслом, т.е. той информацией, которая передаётся говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных случаях условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего⁸. Следовательно, при наблюдающейся тенденции к аналитизму можно говорить не только о конститутивной роли контекста, но и о дискурсивной обусловленности значения производного слова. Кроме того, появление семантических дериватов позволяет говорить об экономии языковых средств на уровне формального (морфологического) словообразования, следовательно, антиномия «код – текст» разрешается в пользу последнего.

Примечания

¹ Макаев Э.А. К вопросу об изоморфизме // Вопросы языкознания. – 1961. – № 5. – С. 50.

² Петрухина Е.В. Словообразование в университетском курсе русского языка: дискуссионные вопросы // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. – М., 2001. – С. 416–431.

³ Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила интерференции (семантического вывода) // Новые пути изучения словообразования славянских языков. – Франфурт-на-Майне, 1999.

⁴ Григоренко О.В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. – Воронеж, 2009.

⁵ Ермакова О.П. Активные процессы в лексике и в семантике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI вв. – М., 2008. – С. 56.

⁶ Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990. – С. 83.

⁷ Никитин М.В. Лексическое значение слова. Структура и комбинаторика. – М., 1983. – С. 25.

⁸ Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – С. 95.

КОНФЛИКТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСТНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Витязева, ТГУ, студент

Научный руководитель – Н.А. Мишанкина

Современная гуманитарная наука активно исследует коммуникативные процессы, организующие социум. Социальные взаимодействия сформировали человеческое общество и человека как такового, поэтому модели коммуникативного поведения человека попадают в фокус внимания различных научных дисциплин: социологии, психологии, лингвистики. Одним из важнейших видов коммуникативного поведения является конфликт¹ – это разновидность коммуникации. Наиболее острый способ разрешения противоречий, столкновение несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого человека, является с одной стороны двигателем коммуникации (важен для налаживания коммуникации, выявления истины, получения научного знания), а с другой – тормозом (трата времени на доказательство своего взгляда на проблему, негативные эмоции), одним из этапов коммуникации, возникающий в результате ряда определённых факторов, условий.

Наука в развитии человеческого общества играет важнейшую роль, так как организует познавательную деятельность человеческого общества и позволяет ему становиться еще более развитым. Однако для научной коммуникации свойственны признаки человеческой коммуникации в целом, в том числе и конфликтных ее форм. Актуальность данной работы заключается в том, что автор рассматривает конфликтные ситуации в устной форме научного дискурса². В работе была поставлена цель выявить лингвокогнитивные модели начала, протекания и завершения конфликта и в результате сопоставительного анализа рассмотреть некоторые отклонения от нормы вербального поведения собеседников.

В качестве рабочего материала были выбраны телепередачи А. Гордона, в которых учёные дискутируют по той или иной научной проблеме, неоднократно вступая в конфликтные ситуации.

На основании работ различных исследователей в области дискурсологии³ нами было сформулировано рабочее понятие *конфликта в научном дискурсе* – это вид коммуникативного акта, который возникает как столкновение двух или более сторон (коллег, оппонентов, равнозначность которых нивелируется); в результате несовпадения мнений по какой-либо научной проблеме; целью является доказательство своей точки зрения, выяснение истины; протекает в рамках этикета, принятого в научной среде: уважительное отношение к собеседнику, критичное отношение к высказываниям.

Проанализируем две телепередачи, в которых встречаются конфликтные ситуации, и рассмотрим существующие отступления от норм в моделях поведения участников дискуссии.

Рассмотрим вариант конфликтного поведения в выпуске телепередачи А. Гордона «Проект Воскрешение». Здесь философ С. Семёнова и богослов В. Никитин, обсуждают проблему воскрешения как философскую и религиозную. Инициатором конфликта выступает С. Семенова: «... Я бы хотела несколько тоже возразить, если можно». Однако ее инициатива очень корректна, не выходит за рамки коммуникативной нормы. Ее оппонент не развивает конфликт, а напротив, уступает: «Да, пожалуйста, а потом у меня есть наблюдения о ещё одном человеке, который являлся прямым апологетом что ли Фёдорова [...] Циолковский». Эта реплика влечет за собой уже более жесткое заявление С. Семеновой: «Циолковский не был апологетом Фёдорова. Это большое заблуждение». Как можно убедиться, здесь С. Семенова дает оценку уровню осведомленности и компетентности В. Никитина. Далее она неоднократно прерывает собеседника, демонстрируя явно провоцирующее поведение. Но и в этом случае последний не поддерживает конфликт, уходя от него. При этом во время рекламной паузы С. Семенова старается сгладить жесткость своего поведения, предлагая оппоненту подобную модель действий. С. Семенова: «Прерывай меня.. Сколько хочешь, прямо нагло перебивай». Но В. Никитин отказывается от подобного типа поведения: «Я так не могу». На что С. Семенова реагирует следующим образом: «Почему? Так и нужно, так и нужно. Валя, только единственное, извини меня, я, единственное, погибну, если я сейчас не скажу о воскрешении и воскресении». С одной стороны, мы видим как участник, отличающийся явно лидерским, склонным к конфликтности поведением, отказывается от лидирующей позиции, но с другой – тут же демонстрирует коммуникативную тактику угрозы, шантажа, нехарактерную для научного дискурса. Конечно же, ее оппонент не позволяет ей «погибнуть». В данной конкретной ситуации конфликтного поведения в научном дискурсе мы наблюдаем трансформацию общедискурсивных правил, связанную с личностными параметрами коммуникантов.

Следующая телепередача «Русские хазары». Здесь происходит столкновение интересов С. Плетнёвой и В. Петрухина.

После вступительной реплики А. Гордона дискутировать начинает С. Плетнёва, поэтому для того чтобы взять контроль над темой В. Петрухин произносит следующую фразу: *«Более всего, если можно вторгнуться»* Во время монолога С. Плетнёва соглашается с позицией Владимира, таким образом, завязывания конфликта по существующей проблеме не происходит: *«Сейчас я и хотела сказать, территория это вот такая у хазарского каганата...»* – перехватывание инициативы.

Эмоционально агрессивное поведение С. Плетнёвой: *«Можно сказать!?»* нехарактерное для научного дискурса, которое шокирует В. Петрухина, и он в саркастичной форме отвечает: *«Можно сказать, по-моему, теперь всё можно»*

На протяжении всей телепередачи инициатива переходит от одного учёного к другому, причём они оба основываются на своём авторитете. Например, С. Плетнева переводя тему, начала дискутировать о Саркеле, в археологической экспедиции на котором она присутствовала лично. Так же и В. Петрухин: *«Как историк, может быть, я смогу добавить»*

В телепередачах можем наблюдать коммуникативное поведение, нехарактерное для научного дискурса, которое выражается речевыми формулами, а именно:

«Проект «Воскрешение»» – давление на собеседника, шантаж, угроза.

«Русские хазары» – эмоциональность, агрессия, возмущение.

Классифицировать данные нарушения коммуникативного поведения не представляется возможным на данном этапе в связи с малым количеством практического материала. Однако мы наблюдаем уже два типа отклонения речевого поведения участников от нормы научной коммуникации: 1) попытки манипулирования собеседником; 2) агрессия в отношении собеседника.

Всего в результате просмотра 4 телепередач А. Гордона было выявлено 89 дискурсивных формул, характерных для различных этапов конфликта. Причём 27 % дискурсивных формул – общеупотребительные.

Итак, сама конфликтную ситуацию не следует рассматривать в научном дискурсе как девиацию, так как она способствует разрешению противоречий и поиску истины. Однако в результате того что существуют этические рамки данного типа дискурса, отклонения от нормы могут быть рассмотрены и классифицированы непосредственно внутри конфликтной ситуации, а также при сравнении конфликтных ситуации и сопоставлении их с критериями общепринятого поведения в рамках научного сообщества.

Примечания

¹ Леонов Н.И. Хрестоматия по конфликтологии. – М., 1998.

² Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20; Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. Пер с франц. – М.: Касталь, 1996.

⁴ Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000.

ТЕКСТ И ПОНИМАНИЕ. ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ МЕДИАТЕКСТА С ИНОЯЗЫЧНЫМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ

А.А. Волкова ТГУ, канд. филол. наук

Успешность речевой коммуникации связана с такими психическими процессами, как *восприятие* и *понимание*, а также с *коммуникативными качествами речи*. «Коммуникативный успех – реализация цели коммуникативного (речевого) акта, когда успешное сообщение без существенных помех передается адресантом и адекватно *воспринимается, понимается, усваивается, оценивается* адресатом. Коммуникативным успехом называют *восприятие* получателем селективного содержания коммуникации